

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ИЗОЛИРОВАННОГО ЛИТОВСКОГО ГОВОРА (БССР, дер. МАЛЬКОВКА МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛ.)

М. СИВИЦКЕНЕ

Характер лексического состава говора дер. Мальковка во многом предопределён условиями изолированного говора, т. е. говора, находящегося в иноязычном (белорусском) окружении, лишённого влияния литературного литовского языка и других литовских говоров. Такой говор представляет удобный материал для наблюдения над проникновением и жизнью в нем лексических славянских заимствований.

В лексике мальковского говора имеется большое количество славянских заимствований из русского, белорусского, польского языков. Среди них встречаются слова и не славянские по происхождению, но несомненно пришедшие в говор через эти языки. То, что автор статьи является уроженцем этого говора и несколько лет его наблюдает, позволяет более или менее точно определить количество заимствований. Их около 1000. Если иметь в виду количественную ограниченность лексики изолированного говора вообще, то 1000 слов составляет большой процент от общего количества лексического состава говора. В это число не входят древние славянские заимствования в литовском языке (нередко спорные), прочно вошедшие в словарный состав общенационального литовского языка, как, например: *knyga* (книга), *bėda* (беда), *kuolas* (кол) и т. д., включенные в словарь современного литовского языка (*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954*).

Многие заимствования мальковского говора являются общими и для других, особенно восточноаукштайтских, говоров, о чем говорят данные словарей и исследований, собственные наблюдения над лексикой материнского линкмянского говора (от которого откололся наш говор). Но если для литовских говоров на территории Литвы характерен процесс вытеснения старых заимствований литовскими словами под влиянием литературного языка (школа, радио, печать и т. д.), то в говоре дер. Мальковка они сохраняются. Например, в материнском говоре уже редко употребляются и только старшим поколением слова: *skūodas* (блр. сход; собрание), *balnysė* (больница), *urazėjus* (урожай),

gazatà (газета), *blagapaláćniai* (благополучно), *učástkas* (участок), *britvà* (бритва) и т. д. В нашем говоре они не имеют себе заменителей и одинаково употребляются всеми носителями говора. И если для старших носителей говора, грамотных по-литовски (в 30-ые годы работали ликбезы), некоторые литовские эквиваленты этих заимствований понятны, то для остальных носителей говора они даже непонятны.

Лексика говора, находящегося в иноязычном окружении, обогащается главным образом не за счет появления новых слов в самом говоре, не за счёт влияния литовского литературного языка, а за счет заимствованных слов. Заимствованные слова в говоре претерпевают значительные изменения не только грамматического и фонетического, но и семантического порядка. Здесь коснемся лишь некоторых вопросов, связанных с особенностями употребления славянских заимствований в лексике изолированного говора.

Употребление параллельных заимствований. В говоре наблюдается своеобразное нагнетение заимствований, т. е. употребление параллельных заимствований из двух или даже из трех языков. Обогащение словаря говора идет как за счет заимствований из белорусского, так и за счет заимствований из русского языка. Особенно это характерно для 30—60-ых годов. Говор испытывает явное влияние двух языков, так как передачи по радио ведутся на русском и белорусском языках, газеты читаются также на русском и белорусском языках. Колхозное делопроизводство обычно ведется не на литературном белорусском языке, что обусловлено местной разновидностью белорусского языка Мстиславльского района Могилевской области, т. е. района, граничащего со Смоленской областью и составляющего с ней языковое целое. Польские заимствования в говоре являются наиболее старыми заимствованиями, «привезенными» сюда из материнского говора или пришедшими через белорусский язык (*atrāmentas, kieliškas*). Непосредственного доступа для полонизмов в говор не имеется.

Все это обусловило то, что в целом ряде случаев для наименования одного и того же понятия в лексике говора имеются два слова-заимствования, одинаковые по своему лексическому значению и по употребляемости, например:

- zaviėdujušćius* (заведующий);
- zagáčikas* (блр. загадчык);
- zadieržka* (задержка);
- zastanóuka* (блр. застаноўка);
- torparazrabúotka* (торфоразработка);
- torparaspracóuka* (блр. торфораспрацоўка);
- pridsedátelius* (председатель);
- staršinė* (блр. старшыня);
- savešćiane* (совещание);
- pasiedžane* (блр. пасяджанне);
- zagatóuka* (загатовка);

nariktóuka (блр. нарыхтоўка);
kliebabazagatóuka (хлебозаготовка);
kliëbanariktóuka (блр. хлебонарыхтоўка);
puliamiúotas (пулемёт);
kuliamiúotas (блр. кулямёт);
šutkà (шутка), *šútyt* (шутить);
žëřtas (блр. жарт), *žertavot* (блр. жартаваць);
kroskà (краска), *krósyt* (красить);
kvorbà (блр. фарба), *kvarbavót* (блр. фарбаваць);
kieliřkas (рюмка; польск. kieliszek, блр. кілішак);
čërkà (блр. чарка);
jãdas (яд);
tručiznà (польск. truczna)¹;
černýlas (чернила);
atrãmentas (польск. atrament; блр. атрамант);
šmótas (кусок; блр. шматок);
kaválkas (польск. kawałek, блр. кавалак).

Употребление заимствований наряду с литовскими словами. Для лексики мальковского говора характерно то, что довольно часто наряду с заимствованным словом, или даже с двумя заимствованиями из разных языков, употребляется исконно литовское слово. Различий в их идеографическом и стилистическом значении не наблюдается. Это слова — дублиеты. Предположение, что это только временное явление и во всех случаях в дальнейшем последует разграничение значений этих слов, опровергается тем, что в большинстве своем это старые заимствования, давно бытующие в лексике этого говора. Приведем примеры таких слов-дублиетов:

kavólius (кузнец; блр. каваль), *kalvis*;
kúdas (худой; блр. худы), *blogas*;
liečyt (лечить; блр. лячыць), *gydyt*;
práuda (правда; блр. праўда), *teisybë*;
znakúomstva (знакомство), *pažintis*;
zlãstis (злость; блр. злосць), *pyktis, piktumas*;
zanëtiija (занятие), *ažsijamimas*;
(ne-)iščëstis ((не-)щастье; блр. (ня-)шчасце), *(ne-)laimë*;
markãtnas (блр. маркотны), *liūdnas* (скучный, невеселый; о человеке, о животных).
nezgãdnas («плохой, не подходящий»; блр. нягодні), *negeras*;
pagadà (погода; блр. пагода), *oras*;
krósyt (красить), *kvarbavót* (блр. фарбаваць), *dažyt*;
vikadnà (выходной; о дне), *pasilko diena, poilsio diena*;
razlýčiija (различие), *skirtumas*;
triebavat (требовать, блр. трэбаваць), *reikalaut*;

¹ Литовское *nuodas, nuodai* (чаще в ед. ч.; яд) употребляется только в междометных выражениях типа: *ak tu nuodai*; *a kad tave nuodas*. Букв.: ах ты яд, а чтоб тебя яд, где яд имеет значение „чертенок, пестреленок“.

áturt (говорить; блр. гутарыць), *kalbét*;
savesčiáne (совещание), *pasiedžane* (блр. пасяджанне), *posėdis*;
uzglėdas (взгляд), *žvilgsnis*;
tavorška (товарка; блр. таварышка), *draugė*.

Таким образом для лексики мальковского говора характерны два ряда слов-дублетов. С одной стороны, слова-дублеты среди самих заимствований, пришедших в говор из разных славянских языков (русского, белорусского, польского). С другой стороны, слова-дублеты, группы которых состоят из заимствований и исконно литовских слов.

Особенностью лексического состава говора, находящегося в иноязычном окружении, прежде всего и является то, что он проявляет большую терпимость к словам-дублетам, чем лексический состав говоров материковых или литературного языка. В последних нет «вынужденных», «навязанных» слов, так как при заимствовании вкладывается определенное, недостоющее идеографическое значение или его оттенок.

В лексике говора дер. Мальковка наблюдается использование заимствований и варваризмов с целью достижения большей выразительности, иронически. Без такой установки эти слова обычно не употребляются. Например: *È-è, tai tada nieko nepalūčisi iš manęs*. Э-э, тогда ничего ты у меня не получишь (здесь: *nepalūčisi = negausi*).

Часто с такой установкой используется прилагательное *strošnas* (страшный; в значении очень сильный по степени проявления чего-нибудь), которое употребляется наряду с литовским *baisus* в том же значении. Но прилагательное *strošnas* по сравнению с *baisus* является более экспрессивным, больше подчеркивает степень проявления чего-нибудь и употребляется только при именах существительных. Например: *Matai gi, kerė duona, tai jau strošnas karštumas*. Видите, хлеб пекли, так страшная жарница. *Neik oran — strošnas lietus*. Не выходи на улицу — страшный дождь. *Strošnas čia daiktas!* Большое тут дело! *Strošna jau tu darbininkė!* Больно уж ты работница. Без этой стилистической цели для выражения сильной степени проявления какого-нибудь качества употребляется *baisus* (страшный). Для выражения признака или признака действия *strošnas* не употребляется. Ср.: *Anà baisiai priglundni žmogystė*. Она очень (страшно)милая женщина. *Baisiai prigivargau su tom bulbom*. Страшно устала я с этим картофелем.

Заемствованное *strošnas* в значении «страшный, вызывающий чувство страха», в говоре не употребляется.

Из слов иноязычных, не освоенных, и, следовательно, не вошедших в лексический состав говора, часто с целью большей экспрессивности употребляются *всё, капут, капец* (бурт, блр. капец, польск. *kopiec* «бургор, холм»). *Jau „plienap“ paruolai, dabar usio*. Раз в «плен» попал

* Фонетические явления говора в иллюстрациях не отражены. Сохранены лишь морфологические особенности.

теперь всё (шутя, ребенку). *Sakysiu, kad nepagaliu ir visio*. Скажу, что нет сил и всё. *Viktorijos ranką sugadino ukuolais ir visio*. Руку Виктории испортили уколами и всё. Будучи в конце предложения, местоимение *visi* приобретает значение усилительной частицы и подчеркивает категоричность сказанного. При меньшей категоричности, экспрессивности, что выражается прежде всего интонационно, иноязычное *visi* не используется. Например: *Ruoštis — baike, ale kai prisieina eit, tai traukia laškon ir visa*. Собираться ничего (на вечеринку), но, когда надо уходить, тянет в кровать и всё.

Другие примеры: *Kai ateis vyrai, tum visom bus kapūt*. Когда придут мужчины, всем нам будет капут (шутя, во время складывания сена). *Vakar teip privargau, mysliau, bus kapiės, ale nieko*. Вчера я так устала, думала, будет капец (конец), но ничего.

Очень большое количество славянских заимствований сохраняет в говоре то лексическое значение, которое имеет это слово в языке-источнике. Это касается преимущественно однозначных слов. Однако в области лексического значения заимствований имеют место явления, характерные, наряду с другими, вообще для семантического освоения заимствований независимо, из какого языка или говора в какой язык или говор они приходят. Это: 1. Выбор одного или нескольких значений из ряда значений многозначного слова. При этом выбор может пасть не только на прямое значение слова, но и на переносное. 2. Переосмысление лексического значения заимствованного слова. Эти две закономерности в лексике говора обычно проявляются как тенденции. Они определяют общие рамки семантических сдвигов. Часто наблюдаются более тонкие семантические изменения, не выходящие за пределы одного какого-нибудь значения слова. Здесь сталкиваемся с более подробным членением значений слова, что часто приводит к рассуждениям о возможности или невозможности употребления того или другого заимствования в каждом конкретном случае.

Рассмотрим в этом плане значения некоторых заимствований.

Liubyt, neliūbyt,-ija,-ijo (любить, нелюбить; местное блр. для всех значений: любіць, нелюбіць) в говоре употребляется только в отношении блюд, пищи.

Gal šiuolto pieno neliūbiji, tai aš šalto duosiu. Может быть, теплое молоко не любишь, так я дам холодного.

Neliūbija āpas nei uogų, nei obuolių. Не любит он ни ягод, ни яблок. Во всех остальных значениях глагола «любить» выступают литовские глаголы „mylėti, mėgti“. Ср.: *Nieko nemylėjau, tai ir neištekėjau*. Никого я не любила, потому и замуж не вышла. *Labai jau mėgsta, kai jį glostai*. Очень уж он (кот) любит, когда его гладят.

Naravytis, nesnaravyt (нравиться, не нравится). Имеет значение: соответствовать чьему-нибудь вкусу. Употребляется главным образом, когда речь идет об отношении к действию, состоянию или неконкретному

предмету. *Nesnaravija* man toks darbas. Не нравится мне такая работа (плохо выполненная). *Myslia, kad man labai naravijas būt stuogaži.* Думают, что мне очень нравится быть сторожем.

Nakuotka,-os (находка; так же блр.). Заимствовано только переносное значение. Употребляется при обозначении какой-нибудь удачи. *Šitas učastkas jum nakuotka.* Этот участок для вас находка (ровный, удобный для гребли сена). *Čia jau toks darbas, tai nakuotka: čystas, lengvas.* Уж такая работа — находка: чистая, лёгкая. В прямом значении «найденная вещь», а также «награда за нее» в говоре употребляется диалектное *radybos*. *Va, radybų atanešiau.* Вот находку принес (руковицу). *Nu, vaikai, kas gas, duosiu radybų.* Ну дети, кто найдет (ножик), того награжу.

Vuozdukas,-o (воздух, так же блр.). Употребляется, когда имеется в виду определенное качество воздуха: чистый, хороший и т. п. *Paг mus vuozdukas geras — kveria žoliniukai.* У нас воздух хороший — пахнут травы. *Mieste toks vuozdukas, sunku dūsuot.* В городе такой воздух, тяжело дышать. При характеристике воздуха с точки зрения температуры и атмосферных условий употребляется литовское „ogas“. Ср.: *Neįtrauk šalto oro — vėl sirgsi.* Не втяни холодного воздуха — опять будешь болеть. *Vakar buvo labai šaltas oras.* Вчера было очень холодно.

Slaūnas,-à (славный,-ая; блр. слаўны,-ая). Имеет в говоре значение «пользующийся славой, достойный славы». *Anà buvo labai slauna.* Она пользовалась большой славой. *Katро slauna, tai, būdavo, greit išteka.* Которые пользовались славой, те, бывало, скоро выходили замуж. Значения «приятный, хороший, симпатичный» это заимствование не имеет.

Drabni (прилагат. «мелкие»; блр. дробня). Употребляется только в отношении денег (монет), главным образом в сочетании с существительным *pinigai* (деньги) и следовательно почти всегда во множественном числе.

Ar turi drabnų pinigų? Есть у тебя мелочь? *Drabnas pinigas, anas sliudus, greit jį išmėtai.* Мелкая монета, она скользкая, скоро расходуется. (Единственное число, обобщающее). В других случаях в значении блр. «дробный» употребляется синонимы: *smūlkus* и диалектное *sīnkus*.

Znokas,-o (знак; блр. знак). Имеет два значения: 1. След, отпечаток, последствие чего-нибудь. *Kad ir sugys, znokas liks.* Если и заживет, след останется. *Valgè valgè ir znoko nepadarè.* Она ела, ела и следа не оставила (незаметно, все цело). *Ažpūstè visa, tik truputį znokas liko, kur buvo kelias.* Всё занесло, только небольшой след остался, где была дорога. 2. Примета, помета. *An lašinių znokus dèdavo.* Они на сале пометы оставляли. *Avelès be znokų, kaip tu jas dabar atskirsi.* Овцы без помет, как их теперь отличишь.

Zdrañnas,-à, zdrañniai (прилагательное и наречие); польск. *zgręczny*. Лексическое значение этого заимствования лишь пересекается с одним из четырех значений этого слова, данных в словаре польского языка³,

³ См. *Słownik Języka Polskiego Jana Karłowicza...*, Warszawa, 1900—1935.

а именно, со вторым значением *zgrabny, gracki, sprytny, zwinny, chwacki*. Итак в говоре *zdrančnas* имеет значения: 1. Стройный (о сложении человека). *Labai zdrančno sudėjimo, kai močia*. Очень стройного сложения, в мать. Ср.: польск. *zgrabny*. 2. Хорошо сидящий (об одежде). *Situo vilkis, labai zdrančna*. Это (платье) одевай, очень хорошо сидит. *Viera labai zdrančniai siūdavo*. Вера хорошо шила (ею шитые платья хорошо сидели). Остальные значения и употребления этого польского слова говору неизвестны.

Zdarúovas,-a (здоровый; блр. здоровы) имеет значение «сильный, большой, крепкого сложения». *Toks zdaruovas, kas jam maišas*. Такой здоровый, что для него мешок. *Zdaruovas šuva, toks ir vilko nebijos*. Здоровая собака, такая и волка не побоятся. В значении «не больной, обладающий здоровьем», употребляется „*sveikas*“ (здоровый).

Ulyčià,-ios (улица; блр. вуліца). Имеет два значения: 1. Улица (города). *Ti baike, tik ulyčios siauros labai, centralnos — plačios*. Там ничего, только улицы очень узкие, центральные — широкие. 2. Деревня, село. *Iš kokios gi ana ulyčios?* Из какой же она деревни? *Anksčiau mūsų ulyčioj nebuvo mokyklos*. Раньше в нашей деревне не было школы.

Наблюдается своеобразная разобщенность значений многозначного слова языка-источника. Для отдельных значений одного слова языка-источника в говоре употребляется несколько заимствований. Так, например, значения, охватываемые словом «щадить», не охватываются этим заимствованием в говоре. Наряду с *čedyt* (ср.: щадить) употребляется и *iškadyt* (ср.: блр. шкадаваць). *Čedyt,-ija,-ijo* в говоре имеет следующие значения. 1. Бережливо относиться к чему-нибудь. *Pačedyk, penešio k kožnadien*. Побереги, не носи в будный день (о платье). *Ai, sveikatą reikia čedyt*. Ой, здоровье надо беречь. 2. Оставлять, сохранять что-либо для кого-нибудь. *Pačedyk jau jam, ānas labai liūbija*. Побереги для него (груши), он очень любит. *Nevalgyk visų, pasčedyk kitai dienai*. Не ешь все, оставь (для себя) на другой день. 3. Экономить, экономно расходовать. *Reikia mokēt čedyt, tada turėsi ir mėsos, ir lašinių*. Надо уметь экономить, тогда хватит и мяса, и сала. *Nemėtyk pinigų, čedyk*. Не сори деньгами, экономь.

В отношении человека и вообще живых существ *čedyt* не употребляется (ср.: рус. щадить кого-нибудь). Здесь употребляется *iškadyt*. *Šaudė visus, neiškadijo nei mažų, nei senų*. Расстреливали всех, не щадил ни малых, ни старых (о расстрелах, учиненных немцами). *Paiškadytum seno tėvo, nuveitum ažu jį*. Пощадил бы старого отца, сходил бы за него.

Как видно из некоторых здесь рассмотренных примеров, значения многозначного слова языка-источника в говоре «разделены» между заимствованиями и исконными словами, см. *liūbyt, uozdukas* и др.

Другим процессом, характерным для лексического освоения иноязычных слов говором, является, как уже указывалось, переосмысление их лексического значения. Многие заимствования употребляются с

иным, полностью или частично измененным лексическим значением, чем то же слово в языке-источнике. Проследим на примерах.

Zbraĩnas, -à (польск. zbrodnia — преступление, zbrodniczy — преступный, злодейский) имеет значение: проворный, быстрый, непоседливый. Nu, tas tavo berniokas jau ir *zbraĩnas*. Ну этот твой мальчик и непоседливый. Maža buvo tokia *zbraĩna*, tai ir dabar. Она маленькая была проворная, поэтому и теперь такая.

Mūdras, -à (мудрый, -ая; блр. мудры, -ая). Имеет одно значение «гордый, считающий себя выше, лучше других». Kitas kiek rabūva mieste, atvažiuoja *mūdras*, neūtura. Другой побудет немного в городе, приезжает гордый, даже не разговаривает. Nebūk tokia *mūdra*, ateik ir in mus. Не будь такой гордой, зайди и к нам.

Uoršiau, *uoršesnis*, -é (хуже; блр. горш — сравнительная степень наречия и прилагательного дрэнна «плохо»). Не связывается с лексическим значением «плохо», а выражает усиление действия или усиленную степень признака, т. е. имеет значение «больше, сильнее». Nebark jo, do *uoršiau* gèks. Не ругай ты его, еще больше (хуже) будет плакать. Šiande do *uoršiau* lyja. Сегодня еще сильнее (хуже) идет дождь. Jau Jonas „geras“, o šitas do *uoršesnis*. Уж Ионас хорош, а этот еще хуже. Mūsų pievos kimsuotos, o Duolgavičiaus do *uoršesnis*. Наши луга кочковатые, а долговические еще больше (хуже).

Cekavūmas, -o (польск. ciekawość, блр. цікавасць — интерес, внимание) в говоре: «симпатия, порядочность, толковость». *Cekavūmas* gi jos: ateipna, pasėdi; labai razumna mergiotė. Какая же она порядочная (толковая, симпатичная): придет, посидит; очень умная девочка.

Cekāvas, -à (польск. ciekawi: 1. Любопытный, любознательный, пытливый; 2. Интересный; занимательный; блр. цікавы, -ая, интересный) в говоре: «порядочный, внимательный, толковый, симпатичный» (вместе взятое). Labai buvo *cekavas* žmogus — iškadà. Был очень порядочный человек — жаль. Kai žmogus *cekavas*, tai visi ir myli. Если человек порядочный, то его все и любят.

Cekavai (наречие; польск. ciekawie: любопытно, интересно, занимательно; блр. цікава) — толково, на самом деле, верно, серьезно. Taip *cekavai* ūtura, kaip senė. Так толково рассуждает как старуха. *Cekavai* teip buvo, aš nepridedu. На самом деле (серьезно) так было, я не прибавляю. *Cekavai* в предложении может употребляться в качестве вводного слова. *Cekavai*, aš labai grašau, ateikit, pasėdėsmė. Серьезно, я очень прошу, придите, посидим.

Если значение первого слова из этого гнезда заимствований имеет много общего с польским и белорусским соответствием, то значение последующих слов, прилагательного и особенно наречия, уже отдаляются, выходят за пределы значений этих слов в языке-источнике.

**SEMANTINĖS SLAVIŠKŲ SKOLINIŲ VARTOJIMO YPATYBĖS
IZOLIUOTOJE LIETUVIŲ TARMĖJE
(BTSR Mogiliovo srt. Malkavos kaimas)**

M. SIVICKIENĖ

Reziümė

Malkavos tarmės žodyninės sudėties pabūdį nulemia izoliuotumo sąlygos. Didelę šios tarmės žodyninės sudėties dalį sudaro skoliniai iš rusų, baltarusių ir lenkų kalbų. Tarmėje skolinių yra apie 1000 (išskyrus senus, dažnai ginčytinus, tvirtai įėjusius į literatūrinę lietuvių kalbą). Daugelis šios tarmės skolinių yra ar buvo vartojami rytų aukštaičių ir kitose tarmėse. Tačiau skirtingai nuo Malkavos tarmės, minėtoms tarmėms būdinga tai, kad seni slaviški skoliniai (pvz.: *skuodas*, *uražojus*, *gazata* ir tt.) yra išstumiami arba buvo išstumti dėl literatūrinės kalbos įtakos. Malkavos tarmėje panašūs skoliniai yra vartojami visų tarmės atstovų, ir tik nedaugelis žino jų lietuviškus atitikmenis. Minimosios tarmės leksikai būdinga: 1. Lygiagrečių skolinių (dviejų arba net trijų kalbų) vartojimas; šie skoliniai dažniausiai išreiškia tarybinės tikrovės sąvokas, pvz.: *nariktouka* (bltr.), *zagatouka* (rus. paruošos). 2. Skolinių vartojimas greta lietuviškų tokios pat reikšmės žodžių, pvz.: *kavolius*, *kalvis*; *ūturt*, *kalbėt*. Taigi tarmėje susidaro grupės žodžių dubletų, kuriems tarmės žodynas rodo didelį pakantrumą. Tai nulemia bilingvualizmo sąlygos.

Daugeliu atvejų skolinys išlaiko tą savo reikšmę, kurią jis ir turėjo. Skolinių įsisavinimo procesui taip pat būdinga: 1. Pasirinkimas iš daugiareikšmio žodžio vienos ar daugiau reikšmių. Gali būti skolinama ir perkeltinė reikšmė. 2. Žodžio reikšmės pakeitimas. Šie du procesai nubrėžia tik pagrindines semantinių pakitimų ribas. Dažnai pastebimi subtilesni semantiniai pakitimai vienos kokios nors žodžio reikšmės ribose. Žodžio reikšmės taip diferencijuojasi, kad tenka kalbėti ne apie atskiras reikšmes, o apie žodžio vartoseną.
